ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ИАЭ. 2012. № 4. С. 80–90.

М.-Р.А. Ибрагимов

ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО СТАТУСА АНДО-ЦЕЗОВ И АРЧИНЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI В.)

Малочисленные народы Дагестана в силу различных, в том числе объективных обстоятельств, более чем другие народы подверглись процессам этнокультурной нивелировки, которая затронула важные для существования этноса составляющие – сохранность родного языка, самоидентификацию, функционирование обычаев, традиций, в том числе семейной жизни и общественном быте и др. Местные, локальные этнические интересы этих народов в сфере экономики, административно-политической, административно-правовой и других сферах практически не учитывались на республиканском и на районном уровнях.

Разработка проблем малочисленных народов Дагестана выражает их реальные запросы и практические потребности. Выявление, поиск вариантов решений и удовлетворение специфических этнических потребностей в различных сферах малых по численности народов будет способствовать гармонизации межнациональных отношений и стабилизации этнополитической обстановки в республике.

В данной статье на основе материалов различных видов статистического учета населения (переписи и др.) и полевых этнографических наблюдений рассмотрена проблема этнического статуса андо-цезов/дидойцев и арчинцев. Хронологические рамки охватывают длительный период – со второй половины XIX в. (когда появились достоверные сведения по численности и этнической идентификации) до начала XXI в.

В статистике Российской империи и в советской статистике до конца 1930-х гг. андо-цезы/дидойцы и арчинцы значились как самостоятельные народы. К андийским народам традиционно относят андийцев, ахвахцев, багулалов (багвалинцев), ботлихцев, годоберинцев, каратинцев, тиндалы (тиндинцев) и чамалалов (чамалинцев), а к цезским (дидойским) – цезов (дидойцев), бежтинцев, гунзибцев, гинухцев и хваршинцев; языки этих народов вместе с аварским языком составляют аваро-андо-цезскую группу нахско-дагестанских языков северокавказской языковой семьи. Язык арчинцев относят к лезгинской группе нахско-дагестанских языков (*Алексеев М.Е.*, 1999. С. 156; *Коряков Ю.Б.*, 2006. С. 26), хотя ряд исследователей считает это необоснованным. Однако по материальной культуре и многим элементам духовной культуры арчинцы близки аварцам и лакцам, села которых расположены по соседству с ними.

Во второй половине XIX в., по достоверной информации о численности и уровне этнической консолидации народов Дагестана (*Неверовский А.*, 1847; *Берже А.Д.*, 1857; *Стебницкий И.И.*, 1864; *Комаров А.В.*, 1873; *Козубский Е.Н.*, 1895), андо-цезы и арчинцы представляли собой сложившиеся этносы с характерными для этнических общностей компонентами: экзоэтнонимами, самостоятельными языками, специфическими комплексами обычаев, своеобразным укладом жизни и др. Однако, эти этносы были слабо консолидированы. У многих из них отсутствовали единые эндоэтнонимы, вместо которых использовались самоназвания по обозначению обществ или союзов сельских обществ, и по названию селений (джамаатов); не сложились литературные языки; были широко распространены диалектные формы языка и т. д. В то же время это были сформировавшиеся сообщества, которым были присущи основные черты этнических единиц доиндустриальных (докапиталистических) классовых, аграрных обществ; в значительном объеме сохранялись патриархально-родовые пережитки, особенно в общественном и семейном быте этих народов, причем на протяжении всей феодальной эпохи, в период зарождения элементов капиталистических отношений и строительства основ социализма в крае.

В рассматриваемый период в Дагестане для самоидентификации гораздо важнее была конфессиональная принадлежность, нежели этническая: сначала у человека спрашивали мусульманин ли он или немусульманин, христианин или иудей, а затем интересовались этнической принадлежностью. При чем связано это было с желанием узнать, на каком языке с этим человеком можно общаться. Иными словами в структуре самосознания народов Дагестана этого периода, в том числе андо-цезов и арчинцев, конфессиональная принадлежность была более значимой составляющей, чем собственно этническая (*Ибрагимов М.-Р.А.,* 2010. С. 350).

Кроме того, необходимо иметь в виду, что «в самосознании дагестанцев этнические константы занимали свою, вторичную по сравнению с принадлежностью к сельскому обществу, нишу. Данная ипостась самосознания дагестанцев является конструктивным ядром, структурирующим элементом, компонентом самосознания, идентичности дагестанцев» (*Магомедханов М.М.,* 2003. С. 67).

Ряд исследователей (Э.Ф. Кисриев, В.А. Тишков, В.В. Бобровников), основываясь на конструктивистской концепции природы этничности, считают, что «складывание нынешних «дагестанских народов» – аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев и т.д. – происходило уже в советский период; этот процесс осуществлялся в рамках принятых в марксистско-ленинской теории национальных отношений понятий «нации» и «народности». Современные дагестанские национальности складывались «сверху» в результате принимаемых органами власти решений по установлению «научно обоснованной» номенклатуры национальностей и их регистрации в актах гражданского состояния и в ходе переписей» (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 259; см. также: *Кисриев Э.Ф.,* 1998. С. 15; *Бобровников В.О.,* 2001. С. 92). Отрицание реально существовавших в досоветский период этносов Дагестана с выраженной этничностью предприняты этими авторами, на наш взгляд, без обоснованной аргументации. Между тем, имеется достаточное число позднесредневековых письменных свидетельств о реальном существовании дагестанских этносов и наличии у них этнического самосознания (*Ибрагимов М.-Р.А.,* 2010. С. 346–349).

Известный исследователь Кавказа этнограф Ю.Ю. Карпов более осторожен в оценке этнического статуса народов Дагестана в период до XX в. По его мнению, этносы Дагестана представляли собой в этот период «общинно-территориальные образования, совокупность которых – каждого со своими языковыми и этнографическими особенностями – формировали плохо системно организованных аварцев, даргинцев, лакцев, лезгин и т.д.» (*Карпов Ю.Ю.*, 2005. С. 117). Эти положения можно объяснить тем, что этническое самосознание ряда народов Дагестана, в том числе андо-цезов и арчинцев, к началу XX в. было слабо выраженным; советская власть, предоставив Дагестану автономию, предприняла целенаправленные шаги (перевод письменности на латинский алфавит, перевод делопроизводства сельского и районного аппарата на родной язык, «коренизация аппарата» и др.) по ускорению роста этнического (национального) сознания народов Дагестана и добилась ощутимых успехов (10 лет..., 1931. С. 9). При этом вплоть до середины XX в. исследователи, изучавшие этнические процессы среди аварцев и андо-цезов, отмечали незавершенность самоидентификации аварцев (*Никольская З.А.,* 1953. С. 123) и малочисленных народов, а также начало инкорпорации последних в состав аварцев: «народности не достигли завершенности процесса национальной консолидации. Создание общности развивалось скорее по линии общеаварской» (*Шиллинг Е.М.,* 1948. С. 33). Однако слабая выраженность этнического самосознания не является аргументом к утверждению о том, что формирование дагестанских народов происходило именно в советский период. Это был в их истории совершенно другой этап этнического развития.

По крайней мере, еще за полвека до установления советской власти в крае андо-цезы и арчинцы также, как и другие народы Дагестана, в работах российских историков и статистиков, в камеральных описаниях 1860-х гг., посемейных списках 1886 г. и материалах Статистического комитета Дагестанской области и др. официальных документах обозначались самостоятельными этносами и назывались племенами (*Неверовский А.*, 1847; *Берже А.Д.*, 1857; *Стебницкий И.И.*, 1864; *Комаров А.В.*, 1873; *Козубский Е.Н.*, 1895; *Козубский Е.Н.*, 1901; Дагестанская область, 1893; Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892–1915 гг., 1893–1916; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, 1905 и др.).

Самые ранние, достоверные сведения о численности андо-цезов и арчинцев относятся ко времени проведения камеральных описаний в Дагестане в 1866–1867 гг. К 1866 г. в Дагестанской области их насчитывалось 29,1 тыс. человек (*Комаров А.В.*, 1873. С. 46–47). По материалам посемейных списков 1886 г. численность андо-цезов и арчинцев составляла 39,4 тыс. человек (Дагестанская область, 1893). К 1894 г., судя по материалам Статистического комитета Дагестанской области, в крае их было уже 41,7 тыс. человек (*Козубский Е.Н.*, 1895).

Определить численность андо-цезов по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не представляется возможным без обработки первичных материалов, поскольку в ней фиксировались родные языки и языковой состав населения; в переписи нет данных о национальном (этническом) или племенном составе населения России. Языки андо-цезов учтены в рубрике «аваро-андийские языки», то есть речь идет об аваро-андо-цезских языках, без дифференциации на аварский, андийский и др. языки (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, 1905. С. 3).

По данным списков населенных мест Дагестанской области в 1916 г., численность андо-цезов и арчинцев составляла 45,2 тыс. человек (*Заикин Г.М.*, 1917).

Впервые наиболее полная фиксация численности малых народов Дагестана, в том числе андо-цезов[1] и арчинцев, была осуществлена при проведении переписи населения 1926 г. В материалах этой переписи они названы народностями; в республике насчитывалось 38,6 тыс. андо-цезов и арчинцев (Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928. С. 343).

В дальнейшем учет численности народов Дагестана, в том числе малочисленных, осуществлялся Государственной плановой комиссией при СНК ДАССР, в материалах которой андо-цезы и арчинцы, как, впрочем, и другие этносы республики, названы народностями, национальностями. По сведениям этой комиссии, на 1 января 1931 г. насчитывалось 53,9 тыс., а на 1 января 1938 г. – 60,0 тыс. андо-цезов и арчинцев (ГУ «ЦГА РД» Ф. р.–260. Оп. 10. Д. 33. Л. I).

В материалах всесоюзной переписи населения 1939 г. отсутствуют сведения о численности 19 народов Дагестана (Госкомстат РФ, 1939), в том числе об андо-цезах и арчинцах[2]. Эти этносы были «удалены» с этнической карты Дагестана, поскольку были включены в состав аварцев как более крупного по численности и близкого по культуре и традициям народа. Этот процесс был инициирован руководством республики с целью стимуляции и искусственного ускорения процессов консолидации народов Дагестана. Включение малочисленных народов в состав более крупных в Дагестане происходило в контексте общесоюзных установок того периода, ориентированных на слияние наций и народов СССР. Согласно теоретическим установкам того времени, процессы интернационализации и слияния наций и народов рассматривались как исторически видимая, реальная перспектива, а исчезновение языков многих народов считалось неизбежным и вполне прогрессивным явлением (См.: *Брук С.И., Козлов В.И.,* 1967. С. 6; *Крюков М.В.,* 1989. С. 29).

Процесс «кооптации» малочисленных андо-цезских народов в состав аварцев был составной частью теории формирования «дагестанской нации». Сближение и слияние малочисленных народов с более крупными (андо-цезских народов и арчинцев с аварцами, кайтагцев и кубачинцев с даргинцами, агулов, рутульцев, цахуров и табасаранцев с лезгинами) (*Никольская З.А.,* 1953. С. 113; Народы Дагестана, 1955. С. 66, 68; *Агаев А.Г.*, 1965. С. 266), стремились представить как свидетельство возникновения новой общности – «дагестанской нации» на базе русского языка (*Даниялов А. Д.,* 1960. С. 20; *Даниялов А. Д.,* 1967. С. 21; *Ихилов М. М.,* 1965. С. 97; *Даниялов Г. Д. ,* 1966. С. 358; История Дагестана, 1969. С. 292). «Дагестанская нация», в свою очередь, должна была быть частью новой исторической общности СССР – советского народа. Таким образом, изменение этнического статуса всех малочисленных народов Дагестана, в том числе андо-цезов и арчинцев, осуществленное партийными и советскими органами республики, происходило в соответствии с установками КПСС на формирование в стране новой исторической общности – советского народа.

В последующий период во время проведения переписей населения 1959, 1970, 1979 гг. численность малочисленных народов, в том числе андо-цезов и арчинцев не фиксировалась, поскольку они были включены в состав аварцев; более того, они были исключены из перечня национальностей СССР (Перечень имен народов, 1926–2002).

По-другому сложилось положение у малочисленных народов Южного Дагестана – агулов, рутульцев и цахуров, которые, после обращений к руководству республики с письмами о желании их перейти в средних образовательных школах на обучение на русском языке, отказавшись от лезгинского языка[3], получили требуемый статус самостоятельных народов.

---

[1] В материалах переписи населения 1926 г. отсутствуют сведения о численности гинухцев, которые, в силу не полной этнолингвистической осведомленности, были отнесены к цезам (дидойцам).

[2] В материалах переписи населения 1939 г. андийцы и другие андо-цезские народы отнесены к аварцам, а арчинцы к «другим народам Дагестана»; в материалах переписи 1959 г. андо-цезские народы и арчинцы отнесены к аварцам (см.: Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных/Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность //http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_cen.php?reg=6).

[3] До перевода на лезгинский язык в общеобразовательных школах в качестве родного языка агулы, рутульцы, цахуры и табасаранцы, а также сами лезгины (до перехода на лезгинский язык обучения в 1928 г.) обучались на тюркском (азербайджанском) языке.

В середине XX в. руководство ДАССР было нацелено на «формирование своего рода ядра, «государствообразующего» этноса в многонациональной республике в лице укрупненных андо-цезами аварцев (отказ от аналогичного шага в отношении народов лезгинской подгруппы окончательно определил расстановку «национальных сил» в республике)» (*Карпов Ю.Ю.*, 2005. С. 122).

Решение о включении андо-цезов и арчинцев в состав аварцев имело далеко идущие последствия: малочисленные народы лишились своих исторически сложившихся этнонимов, начались процессы ассимиляции, что, конечно, вызывало неудовлетворенность их. Когда в период перестройки дискуссия по вопросу этнического статуса андо-цезов и арчинцев получила широкую огласку в районных и республиканских газетах сторонники включения их в состав аварцев отмечали положительный эффект этого процесса. Они говорили, что андо-цезы и арчинцы, находясь под покровительством и помощью самого крупного и влиятельного в Дагестане этноса, добьются больших успехов в социально-экономическом и культурном развитии.

Высказывались также и другие мнения о том, что нельзя отнимать у них право на этническое самоопределение; это приводит к нестабильности в дагестанском обществе.

Каждый из народов Дагестана, имея свою этническую историю, свои взаимоотношения с соседними народами, традиционно стремился и демонстрировал разными способами свою этническую специфику. Этническими маркерами андо-цезов и арчинцев были одежда, некоторые обычаи и обряды, сохранявшиеся до конца 1970-х гг. Достаточно привести такие примеры как различия в женской одежде, головных уборах андийских, бежтинских, тиндинских, цезских женщин; обычай бросания папах у ахвахцев, заключения временного брака «хIложикъо» у хваршин, праздник импровизации свадьбы «кыдоба» у тиндинцев, праздник зимы «игьби» у цезов и др. (Народы Дагестана, 2002. С. 152, 154, 163, 221, 238).

Несмотря на отсутствие статуса самостоятельных народов, андо-цезы и арчинцы этнически сохранились; более того, представители некоторых народов этой группы (андийцы, цезы (дидойцы), бежтинцы, ахвахцы, каратинцы и др.) во время проведения переписей населения многократно пытались зарегистрироваться как самостоятельные этносы (*Ибрагимов М.-Р.А., Лугуев С.А.,* 1995. С. 80).

Во время проведения переписи населения 1989 г. была предпринята попытка фиксации численности малочисленных народов Дагестана. Однако под давлением руководства ДАССР весьма фрагментарные сведения о них, собранные во время проведения переписи, не были опубликованы в открытой печати (Идея национального самоопределения).

В 1993 г. в соответствии с проектом Федерального закона «Основы правового статуса малочисленных коренных народов России» в Дагестане к этой группе народов были отнесены агулы, андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы, бежтинцы, ботлихцы, гинухцы, годоберинцы, горские евреи (таты), гунзибцы, дидойцы (цезы), кайтагцы, каратинцы, кубачинцы, рутульцы, тиндалы, хваршины, цахуры и чамалалы (Проект, 1993. Статья 1). Как отмечалось выше, подавляющее большинство из них до сих пор не имеет самостоятельного этнического статуса. В Конституции РД из двадцати малочисленных народов были упомянуты только четыре: агулы, рутульцы, цахуры и таты (горские евреи).

С 1994 г. после принятия новой Конституции РД, когда формирование институтов высшей власти в Дагестане стало напрямую увязываться с этническим составом, проблема определения этнического статуса малочисленных народов приобрела политическую значимость. «Поскольку в Государственном Совете РД и при формировании депутатского корпуса Народного Собрания в расчет принимались именно 14 национальностей, то с середины 1990-х гг. в среде этнических злит нестатусных групп стали возникать требования выделиться в отдельную национальность. Достижение этой цели позволяло представителю этой этнической группы получить гарантированное место в составе Госсовета РД, численный состав которого в таком случае следовало бы расширить, а также в республиканском парламенте» (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 261).

Эта тенденция отразилась во время проведения всероссийской микропереписи 1994 г., когда некоторые представители андо-цезов записали себя не «аварцами», а андийцами, ботлихцами, годоберинцами, каратинцами, ахвахцами, багулалами, чамалалами, тиндинцами, дидойцами (цезами), хваршинами, капучинцами (бежтинцами), хунзалами (гунзибцами) (*Кара-Мурза С.Г.,* 2007. Прим. 20).

Проблемы малочисленных народов вновь актуализировались после принятия в 1999 г. Госдумой РФ Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской

Федерации», 1999). В список народов численностью до 50 тыс. были включены указанные выше малочисленные народы Дагестана. Однако руководство Дагестана расценило это как «шаги по искусственному размежеванию дагестанских народов, находящихся в генетически родственных отношениях, веками живущих рядом и имеющих общие интересы» (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 271) и добилось включения в текст закона положения о том, что перечень коренных малочисленных народов по Дагестану принимается правительством РФ на основе предложений Госсовета РД. В 2000 г. Председатель Правительства РФ утвердил этот список на основании предложений Госсовета РД. Он включал все официально признанные 14 народов РД – аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, русских, табасаранцев, азербайджанцев, чеченцев, ногайцев, рутульцев, агулов, цахуров и татов (горских евреев). То есть, он включал русских и аварцев (народов, входящих в первую десятку самых крупных народов страны), а также даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев, табасаранцев, азербайджанцев (численностью свыше 500–100 тыс.); лишь численность агулов, рутульцев, цахуров и татов (горских евреев) соответствует букве закона – до 50 тыс. человек (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 287. Прим. 19).

Данная тема будируется некоторыми общественными объединениями Дагестана, обвиняющими руководство республики в ущемлении прав человека и народов – Дагестанской региональной общественной организацией «Карата» (М. Ахмеднабиев и Х. Ахмеднабиева), Национально-культурной автономией «Дидойцы» (Д. Магомедов и А. Абдулаев), Национально-культурной автономией «Бежтинцы» (Г.Сулейманов) и др. (Журнал «Народы Дагестана», 2010).

Национальный совет андийцев в апреле 2000 г. организовал 2-й съезд представителей сельских сходов населенных пунктов андийцев, где обсуждались вопросы национальной самоидентификации андийцев с установлением статуса малочисленного народа РФ; признания равноправия андийцев с другими народами Дагестана и создании для этого всех условий и другие проблемы (Обращение, 2000).

Проблема этнического и языкового статуса малочисленных народов Дагестана накануне переписи населения 2002 г. приобрела довольно острый характер. Так, лидеры малочисленного дидойского народа, собрав более шести тысяч подписей, обратились к государственным органам (Президенту и главе правительства) России с требованием зафиксировать в переписи дидойцев как самостоятельный этнос. В местной газете Цунтинского района распространялись призывы указывать в документах переписи в качестве национальности «дидойцы» или «цезы», а в качестве «родного языка» называть дидойский (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 262).

Такому положению малочисленных народов в РД, по мнению В.А. Тишкова и Э.Ф. Кисриева, способствовали с одной стороны «длительное подавление малых этнокультурных идентичностей среди дагестанцев в пользу статусных «наций», слабая поддержка развития их культур и языков (андо-цезские народы так и остались бесписьменными)» и с другой – «постсоветская этническая активность и («этническое возрождение») и демократизация общественной жизни» (*Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.*, 2005. С. 267).

В настоящее время народы андо-цезской группы в этносоциальном плане переживают период активного поиска путей наиболее оптимального решения вопросов дальнейшей судьбы, культуры и своего этнического статуса. Важен вопрос о конституционном статусе этих народов. Это первый шаг на пути их дальнейшего этнического развития, решения этнонациональных проблем в комплексе с развитием национальных проблем других народов Дагестана. При этом, видимо, следует руководствоваться такими общепризнанными мировым сообществом правами, как право человека на самоидентификацию, право народов на самоопределение. Выбор должен остаться за самими народами, а право на самоопределение надо оставить за самими андо-цезами и арчинцами, а не решать этот вопрос за них. При этом столь сложные вопросы удовлетворения их этнокультурных потребностей необходимо решать без политизации проблемы.

Очевидно, что возрождение, сохранение и развитие этнической культуры, родного языка, создание письменности на своем языке, получение и распространение информации на родном языке являются неотъемлемыми правами народов. И для этого, видимо, необходимо создать соответствующие учреждения. При этом важно: уважать язык, культуру, традиции и обычаи тех народов, среди которых они проживают, не наносить ущерб правам, законным интересам других этнических общностей. В этом направлении многое уже делается: в школах введено изучение обычаев и традиций, истории Дагестана, ведется издание газет на местных языках, осуществляется выпуск радиопередач, организованы выступления национальных фольклорных ансамблей. Более 25 лет лингвисты Дагестана плодотворно трудятся над грамматиками андо-цезских народов, национально-русскими, русско-национальными, аварско-национальными и другими словарями.

Продолжается работа по выпуску букварей на национальных языках (*Ибрагимов М.-Р.А., Лугуев С.А.,* 1995. С. 81).

Каждый из андо-цезских народов и арчинцы создали оригинальную материальную и духовную культуру, сохранили родные языки, хотя большинство из них до сих пор остаются бесписьменными. Необыкновенная устойчивость и стабильность языков малых по численности народов является своего рода этнолингвистическим феноменом. Несмотря на различные гипотезы и прогнозы об отсутствии их жизнестойкости и бесперспективности бесписьменных языков, малочисленные народы Дагестана самим фактом сохранения своих родных, материнских языков опровергли эти теории и концепции. «Чрезвычайно живучими оказались не только сами языки, но их диалектные различия. Не наблюдается тенденция к сколько-нибудь заметному сокращению численности носителей бесписьменных языков. Именно известный количественный рост некоторых из них явился одним из факторов, послуживших обоснованием создания в наши дни родной письменности» (*Гамзатов Г.Г.,* 2001. С. 10).

Со второй половины XX в. интенсивно проводятся историко-этнографические исследования малочисленных народов Дагестана. Эти исследования вылились в серию монографий, 12 из которых посвящены андо-цезам и арчинцам: «Арчинцы» (*Сергеева Г.А.*, 1967), «Ботлихцы» (*Алимова Б.М., Магомедов Д.М.*, 1993), «Бежтинцы» (*Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 1994), «Дидойцы (цезы)» (*Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 1995), «Хваршины» (*Мусаева М.К.*, 1995), «Годоберинцы» (*Алимова Б.М., Лугуев С.А.*, 1997), «Гунзибцы» (*Ризаханова М.Ш.*, 2001), «Андийцы» (*Агларов М.А.*, 2002), «Гинухцы» (*Ризаханова М.Ш.*, 2006), «Ахвахцы» (*Лугуев С.А.*, 2008), «Каратинцы» (*Лугуев С.А., Магомедов Д.М.*, 2009), «Тиндалы» (*Магомедханов М.М., Мусаева М.К.*, 2012). Подготовлены к изданию монографические исследования, посвященные истории и этнографии багулалов (багвалинцев) и чамалалов (*Панек Л.Б., Шиллинг Е.М.*, 1996; Народы Дагестана, 2002. С. 148–288). Эти издания, содержащие сведения по этнической истории, традиционным занятиям, материальной культуре, семейным и общественным праздникам и обрядам андо-цезов и арчинцев, обогатили не только этническую историю и культуру малочисленных народов, но и всего Дагестана в целом. Эти работы в определенной степени удовлетворили интерес андо-цезов и арчинцев к историческому наследию, особенностям развития их культуры и быта, а ученые получили объективные данные и о современных проблемах этих народов. Это стало важной вехой в истории андо-цезских народов и арчинцев и всего Дагестана.

Издано много коллективных и индивидуальных монографических исследований по бесписьменным, в том числе андо-цезским, языкам, проведен ряд плодотворных научных конференций и симпозиумов, заложены научные основы совершенствования условий и расширения сфер функционирования бесписьменных языков, вплоть до создания для некоторых этих языков письменности и принятия практических шагов по их конституционной защите, по их вовлечению в интеллектуально-духовный мир общества. В данном аспекте следует отметить большие заслуги известных дагестановедов, таких как А.М. Дирр, Е.А. Бокарев, З.М. Магомедбекова, Т.Е. Гудава, М.Ш. Халилов, И.А. Исаков, П.Т. Магомедова, А.Е. Кибрик, М.Е. Алексеев и др. (*Дирр А.М.*, 1909; *Бокарев Е.А.*, 1959; *Микаилов К.М.*, 1967; *Магомедбекова З.М.*, 1967; *Имнайшвили Д.С.*, 1969; *Магомедбекова З.М.*, 1971; *Саидова П.А.,* 1973; *Гудава Т.Е.*, 1977; *Исаков И.А.*, 1990; *Хельма ван ден Берг*, 1995; *Халилов М.Ш.*, 1995; *Алексеев М. Е.*, 1999; *Халилов М.Ш.*, 1999; *Магомедова П.Т.*, 1999; *Магомедова П.Т., Халидова Р.Ш.*, 2001; *Халилов М.Ш., Исаков И.А.*, 2001; *Коряков Ю.Б.*, 2006).

Весьма интересным и плодотворным оказалось начинание фольклористов по собиранию и осмыслению устно-поэтического наследия бесписьменных народностей, в том числе андо-цезских народов и арчинцев. Значительная работа проделана и в области изучения народно-художественных традиций искусства и промысловой культуры этих этносов (См.: *Гамзатов Г.Г.,* 2001. С. 10).

Как отмечал академик Г.Г. Гамзатов, в Дагестане существует крупная концептуальная программа фронтального собирания и систематизации богатейшего словарного фонда, осмысления нетронутого арсенала исконной лексики бесписьменных языков, подготовки и издания национально-русских словарей академического типа по всему кругу этих языков (*Гамзатов Г.Г.,* 2001. С. 11).

Таким образом, в течение второй половины XX в. происходила активная фаза трансформации этнического самосознания андо-цезских народов и арчинцев, в результате которой все большее их число признают себя частью аварского этноса. Начиная с конца 1930-х годов, особенно в послевоенный период, происходил постепенный переход малых по численности андо-цезских

народов и арчинцев от статуса самостоятельных этнических единиц к состоянию субэтносов, т. е. составной части более крупного по численности аварского этноса.

Значительная этнокультурная близость и глубокие хозяйственно-культурные связи и контакты андо-цезов и арчинцев с аварцами являлись объективными условиями процессов этнического сближения и консолидации. Кроме того, огромную роль в этих процессах играли школьное образование, печать и радио, которые изначально проводились на аварском языке. Андо-цезы и арчинцы ко времени официального включения в состав аварцев обладали слабо выраженной этничностью, что также являлось благоприятным условием их мягкой инкорпорации.

Процессы сближения и ассимиляции андо-цезских народов получили мощный импульс после насильственного переселения их в 1944 г. на территорию бывшей ЧИАССР, присоединенной к ДАССР, а также после нового переселения их в 1957 г. на территорию Дагестана в связи с восстановлением Чечено-Ингушской автономии и возвращением чеченцев и ингушей на свои земли. Большая часть андо-цезов, переселявшихся из Чечни, была размещена на равнине, в Хасавюртовском, Кизлярском, Кизилюртовском и других районах смешано с аварцами; меньшая часть андо-цезов вернулась в горные районы, где их села и жилища были разрушены. В равнинных районах Дагестана андо-цезы вновь оказались в иных природно-географических условиях и ином этническом окружении (*Ибрагимов М.-Р.А.,* 2011. С. 88).

В 1970–1980-е гг. в результате стихийной миграции горцев на равнину немалое число андо-цезов, особенно молодежи, переселилось в равнинные районы и города: Махачкалу, Хасавюрт, Кизилюрт, Кизляр и др. Начались процессы урбанизации андо-цезов и арчинцев, которые ускорили процессы включения их в состав аварцев, при сохранении своего этнического самосознания. Однако, как отмечают исследователи, следует иметь в виду, что «у малочисленных этнических общностей, консолидирующихся с более крупными народностями Дагестана (например, у народностей андо-дидойской группы и арчинцев) выделяется и сознание принадлежности к своему этносу (андийцам, дидойцам, арчинцам и т. д.)» (*Магомедханов М.М.,* 1987. С. 43). Другие исследователи у дидойцев (цезов) фиксируют «повышение уровня субэтнического самоназвания», что взаимосвязано с «оживлением интереса к своей культуре и истории» (Народы Дагестана, 2002. С. 272).

В настоящее время большинство языков андо-цезов и арчинцев не имеют письменности[4]; сфера их употребления ограничена рамками семьи и села. При контактах с другими народностями представители андо-цезских народов и арчинцы пользуются аварским и русским языками. На аварском языке ведется переписка, делопроизводство и обучение в начальных классах. Для всех андо-цезских народов и арчинцев характерны различные формы полилингвизма. Доля не владеющих аварским языком составляет не более 1/6–1/8 общей массы опрошенных. Если исключить из этого числа детей-дошкольников, процент владеющих аварским языком приближается к 100. Среди не владеющих этим языком большинство составляют малолетние дети и женщины преклонного возраста (*Ибрагимов М.-Р.А., Лугуев С.А.,* 1995. С. 81).

О результатах изменения этнического статуса андо-цезских народов и арчинцев свидетельствуют и материалы Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., которые показывают, что численность представителей малых народов Дагестана, указавших свою «первичную» этническую принадлежность, в РФ в целом несколько уменьшилась, хотя у ряда народов наблюдается рост их числа. Так, численность андийцев[5], считающих себя принадлежащими к андийскому этносу, за этот период существенно уменьшилась: с 21808 до 11789 человек, арчинцев – с 89 до 12, багулалов – с 40 до 5, бежтинцев – с 6198 до 5958, гинухцев – с 531 до 443, гунзибцев – с 998 до 918, цезов (дидойцев) – с 15256 до 11683, каратинцев – с 6052 до 4787 человек (Национальный состав и владение языками, гражданство, 2004. С. 17–18; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm).

У некоторых народов андо-цезской группы, этот показатель, напротив, возрос (признание принадлежности к «первичному» этносу). Так, у ахвахцев численность людей, признающих «первичную» этническую принадлежность, увеличилось с 6376 до 7930 человек, у годоберинцев –

---

[4] М.М. Магомедхановым выявлены арабографические сочинения XIX в., написанные арчинцами на арчинском, аварском и арабском языках см.: *Магомедханов М.М.*, 2010. С. 279–316.

[5] В материалах переписи населения 2002 г. андийцы и другие андо-цезские народы и арчинцы не верно названы «этнической группой в составе аварцев» см.: Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных/Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность //http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_cen.php?reg=6.

с 39 до 427, у тиндалов – с 44 до 635, у хваршинов – с 128 до 527, у чамалалов – с 12 до 24 и особенно высокие показатели роста у ботлихцев – с 16 до 3508 человек (Национальный состав и владение языками, гражданство, 2004. С. 17–18; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm).

В целом же общее число андо-цезов, указавших свою «первичную» этническую принадлежность, уменьшилось с 57587 (или 0,7% всех аваро-андо-цезов) до 48646 (или 0,5%) человек, т. е. почти на 9 тыс. человек.

Эти данные свидетельствуют о том, что часть представителей малочисленных народов Дагестана: андийцы, цезы (дидойцы), ахвахцы, а также бежтинцы, ботлихцы, каратинцы и гунзибцы, воспользовалась правом указать свою «первичную» этническую принадлежность, т. е. принадлежность к своему этносу.

Тенденция уменьшения общего числа андо-цезов и арчинцев, указавших свою «первичную» этническую принадлежность, свидетельствует о том, что значительная часть их не придает данному фактору особого значения, или о том, что их этническое самосознание трансформировалось настолько, что они инкорпорировались в состав аварцев. Немаловажное значение в обратном развитии данного процесса имеет и политизация этносознания, которая, под предлогом гипотетических государственных, экономических и прочих привилегий, осуществляется отдельными активистами этих народов.

Оптимальный вариант – создание национально-культурных автономий (в рамках единой государственности, с соблюдением принципа целостности исторически сложившейся этнической консолидации), основной задачей которых станет возрождение, сохранение и развитие этнической культуры и родного языка, создание письменности на своем языке, получение и распространение информации на родном языке, организация курсов и кружков по изучению родного языка, истории своего народа, истории отдельных сел, устного, танцевального и музыкального фольклора, издание сборников по этнографии и фольклору, книг по этнической истории этих народов и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агаев А.Г., 1965. К вопросу о теории народности. Махачкала.

Агларов М.А., 2002. Андийцы. Махачкала.

Алексеев М.Е., 1999. Нахско-дагестанские языки // Языки мира. Кавказские языки. М.

Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993. Ботлихцы XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Алимова Б.М., Лугуев С.А., 1997. Годоберинцы. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Бобровников В.О., 2001. Советские национальные реформы и смена идентичности народов Северо-Западного Дагестана // Расы и народы. Вып. 26. М.

Бокарев Е.А., 1959. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М.

Берже А.Д., 1857. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис.

Брук С.И., Козлов В.И., 1967. Этнографическая наука и перепись населения 1970 г. // Советская этнография. №6.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928. М. Т. V.

Гамзатов Г.Г., 2001. Бесписьменный, но живой, реальный. Предисловие к серии «Бесписьменные языки Дагестана» // *Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш.* Каратинско-русский словарь. Махачкала.

Госкомстат РФ, 1939. Фонд «Перепись населения 1939 г.» Д. 41.

ГУ «Центральный государственный архив Республики Дагестан» Ф.р.–260. Оп. 10. Д. 33. Л. I–3.

Гудава Т.Е., 1977. Багвалинский язык: грамматический анализ с текстами. Тбилиси.

Дагестанская область, 1893. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис.

Даниялов А. Д., 1960. Советский Дагестан. М.

Даниялов А., 1967. Думы о стране гор. М.

Даниялов Г. Д., 1966. Развитие экономики и культуры Дагестана (1945–1965 гг.). М.

Дирр А.М., 1909. Материалы для изучения языков и наречий андо-дидойской группы // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис.

Журнал «Народы Дагестана», 2010. № 5. Махачкала.

Заикин Г.М., 1917. Населенные места Дагестана. Темир-Хан-Шура.

Ибрагимов М.-Р.А., 2010. К истории становления этнического самосознания народов Дагестана // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб.: Петербургское Востоковедение.

Ибрагимов М.-Р.А., 2011. Депортации населения Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) и их этнокультурные последствия // Вестник ДНЦ РАН. № 43.

Ибрагимов М.-Р.А., Лугуев С.А., 1995. Андо-цезы: вчера, сегодня, завтра // Возрождение. Махачкала, №2.

Идея национального самоопределения в ценностных ориентирах и практиках северокавказских народов России // http://all-politologija.ru/knigi/cennostnye-orientiry-i-prioritety-v-transformiruyushhemsya-mire/ideya-nacionalnogo-samoopredeleniya-v-cennostnix-orientirax-i-praktikax-severokavkazskix-narodov-rossii

Имнайшвили Д.С., 1969. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. Тбилиси.

Исаков И.А., 1990. Гунзибский язык: фонетика, морфология, лексика. Махачкала.

История Дагестана: в 4-х томах, 1969. Т. IV. М.

Ихилов М.М., 1965. К вопросу о национальной консолидации народов Дагестана // Советская этнография. № 6.

Кара-Мурза С.Г., 2007. Демонтаж народа. М.

Карпов Ю.Ю., 2005. Многоэтничное социальное пространство Дагестана: от прошлого к настоящему // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана. Материалы Международной научной конференции. Москва, 25–27 мая 2004 года. М.

Кисриев Э.Ф., 1998. Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала.

Козубский Е.Н., 1895. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура.

Козубский Е.И., 1901. Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. Отд. II. Темир-Хан-Шура.

Комаров А.В., 1873. Народонаселение Дагестанской области // Записки кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис. Кн. 8.

Коряков Ю Б., 2006. Атлас кавказских языков. М.

Крюков М.В., 1989. Этнические процессы в СССР и некоторые аспекты всесоюзных переписей населения // Советская этнография. № 2.

Лугуев С.А., 2008. Ахвахцы: Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М., 1994. Бежтинцы (капучинцы): историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М., 1995. Дидойцы (цезы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала.

Лугуев С.А., Магомедов Д.М., 2009. Каралал (каратинцы): Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала.

Магомедбекова З.М., 1967. Ахвахский язык. Тбилиси.

Магомедбекова З.М., 1971. Каратинский язык. Тбилиси.

Магомедова П.Т., 1999. Чамалинско-русский словарь. Махачкала.

Магомедханов М.М., 1987. К изучению этнического самосознания народов Дагестана // Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX – начале XX в. Махачкала.

Магомедханов М.М., 2003. Этноязыковые аспекты культурной идентичности дагестанцев // Вестник Дагестанского научного центра РАН. № 14. Махачкала.

Магомедханов М.М., 2010. «Вавилонское столпотворение» (этноязыковые процессы в Западном Дагестане) // Антропологический форум. № 13.

Магомедханов М.М., Мусаева М.К., 2012. Тиндалы. Историко-этнографическое исследование. XIX – начало XX в. Махачкала.

Микаилов К.М., 1967. Арчинский язык. Махачкала.

Мусаева М.К., 1995. Хваршины. Историко-этнографическое исследование. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Народы Дагестана, 1955. М.

Народы Дагестана, 2002 / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.

Национальный состав и владение языками, гражданство, 2004. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Том 4). М.

Неверовский А., 1847. Краткий взгляд на Северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. СПб.

Никольская З.А., 1953. Исторические предпосылки национальной консолидации аварцев // Советская этнография. № 1.

Обзоры о состоянии Дагестанской области за 1892–1915 гг., 1893–1916. Темир-Хан-Шура.

Обращение съезда андийского народа от 9.04.2000 г. // http://hronika.chat.ru/hn/6_2000/troub_01.htm

Панек Л.Б., Шиллинг Е.М., 1996. Сборник очерков по этнографии Дагестана. Махачкала.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, 1905. Т. LXII: Дагестанская область. СПб.

Перечень имен народов, выделявшихся при разработке материалов Всесоюзных /Всероссийских переписей 1926–2002 гг., и их численность //http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_cen.php?reg=6.

Проект Федерального закона «Основы правового статуса малочисленных коренных народов России», 1993. М.

Ризаханова М.Ш., 2001. Гунзибцы. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Ризаханова М.Ш., 2006. Гинухцы. XIX – нач. XX в. Махачкала.

Саидова П.А., 1973. Годоберинский язык. Махачкала.

Сергеева Г.А., 1967. Арчинцы. М.

Стебницкий И.И., 1864. Статистическая таблица Дагестанской области // Записки КОИРГО. Тифлис. Кн. VI.

Тишков В.А., Кисриев Э.Ф., 2005. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: Опыт Дагестана. Материалы Международной научной конференции. Москва, 25–27 мая 2004 года. М.

Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», 1999. М.

Халилов М.Ш., 1995. Бежтинско-русский словарь. Махачкала.

Халилов М.Ш., 1999. Цезско-русский словарь. М.: Академия.

Халилов М.Ш., Исаков И.А., 2001. Гунзибско-русский словарь. М.: Наука.

Хельма ван ден Берг, 1995. Грамматика гунзибского языка. Тексты и словарь. Лейден.

Шиллинг Е.М., 1948. Дагестанская экспедиция 1946 г. // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 4.

http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm.

10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР, 1931. Махач-Кала.